

Метроном

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин

Метроном

«Автор»

2026

Залепукин Т.

Метроном / Т. Залепукин — «Автор», 2026

Секретный институт три года фиксировал странный феномен: за двенадцать часов до крупных техногенных аварий десятки призывников из разных гарнизонов видели один и тот же сон. Систему называли «Метроном» и закрыли, когда поняли, что она работает слишком хорошо.

© Залепукин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Институт	5
Глава вторая. Груз	9
Глава третья. Настройщик	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Терентий Залепукин

Метроном

Глава первая. Институт

Товарищ подполковник Полинный, начальник лаборатории психоакустической профилактики при закрытом номерном институте, чьё название состояло из аббревиатуры настолько длинной, что сотрудники давно перестали пытаться расшифровывать её вслух и называли учреждение попросту «Ящик», — стоял у окна четвёртого этажа и наблюдал, как по институтскому двору тащат ещё один рулон осциллографической бумаги, длиной, если верить накладной, в четыреста семь метров, а по факту — неизвестно сколько, потому что рулон разматывался сам собой, пока двое солдат несли его через плац, и бумага волочилась за ними, как хвост кометы, состоящий целиком из недописанных снов; и в этом, думал подполковник, зажигая папиросу отсыревшей спичкой, которая горела дольше, чем следовало бы физически возможному пламени, — в этом волочащемся, разматывающемся хвосте и заключалась вся суть их работы, потому что сон, как выяснилось экспериментальным путём ещё в пятьдесят восьмом году, не желает укладываться в границы протокола, сколько бы граф в этом протоколе ни предусматривала инструкция за подписью генерал-майора Тычинина, человека, который лично сны не видел никогда, о чём с гордостью сообщал на каждом совещании, будто отсутствие сновидений было признаком идеологической зрелости, а не банальной физиологической аномалии, которую следовало бы, по-хорошему, изучать в соседнем корпусе.

Лаборатория психоакустической профилактики занималась сущностью настолько секретной, что даже сама формулировка задачи менялась в зависимости от того, кто спрашивал: для комиссии из министерства это называлось «изучением группового бессознательного реагирования личного состава на предстартовые нагрузки», для особого отдела — «профилактикой пораженческих настроений через анализ сновидческого материала», а для самих сотрудников лаборатории, тех, кто действительно всю ночь напролёт слушал бормотание призывников, подключённых к энцефалографам советского производства, которые фиксировали фазы сна с точностью барометра, определяющего погоду по цвету неба, — для них это называлось просто: слушать метроном. Потому что за три года наблюдений выяснилась вещь, от которой у майора Клямбовича, второго по званию в лаборатории, начиналась мигрень всякий раз, когда он пытался объяснить её на бумаге: определённый процент призывников, никак не связанных друг с другом ни землячеством, ни казармой, ни группой крови, за одиннадцать — двенадцать часов до крупной техногенной аварии на объектах, к которым эти призывники не имели ни малейшего отношения, начинал видеть один и тот же сон. Не похожий сон. Не сон на общую тему. А один и тот же, покадрово совпадающий, вплоть до цвета плаща на человеке, идущем по мосту, которого ни один из спящих никогда в жизни не видел наяву, и вплоть до звука, с которым лопается натянутая нить — звука, который майор Клямбович, обладавший абсолютным слухом и незаконченным консерваторским образованием, определил как «до-диез малой октавы, взятый пиццикато, но без резонанса деки», — и этот звук снился одновременно четырнадцати, потом двадцати двум, потом, в ночь перед взрывом на заводе автотракторных деталей в области, название которой немедленно засекретили, — сорока одному призывнику из шести разных гарнизонов, ни один из которых не мог физически знать друг друга.

Систему называли «Метроном» не потому, что кто-то придумал изящную метафору, а потому что первый прибор, фиксировавший синхронность засыпания у группы испытуемых,

был буквально переоборудованным метрономом фабрики «Прогресс», у которого вместо маятника поставили самописец, и название прижилось раньше, чем успели придумать что-нибудь пристойное для отчёта, а переименовывать задним числом секретную разработку означало бы признаться, что у неё вообще было менее секретное начало, чего, разумеется, никто признавать не собирался.

Полынный докурив папиросу до фильтра, хотя фильтров у папирос того завода отродясь не водилось, что не помешало ему ощутить характерный привкус жжёного целлюлозного волокна — деталь, которую он впоследствии не смог объяснить ни себе, ни особому отделу, — и вернулся к столу, на котором лежала расшифровка последнего ночного протокола. Расшифровка гласила: сон номер триста восемьдесят четыре, зафиксирован у семнадцати испытуемых одновременно, содержание — человек в плаще идёт по мосту в городе, где название улицы на табличке меняется прямо на глазах у идущего, причём меняется не хаотично, а по некоторой закономерности, которую ни один из спящих не смог впоследствии внятно описать словами, хотя двое, независимо друг от друга, попытались напеть мелодию, соответствующую, по их ощущению, этой закономерности, и мелодии, будучи расшифрованы полковым капельмейстером, привлечённым для консультации без допуска к содержанию задачи, что само по себе являлось грубейшим нарушением режима секретности, — совпали нота в ноту.

Полынный знал этот город. Вернее, не знал, а помнил — тем особым видом памяти, которая относится не к пережитому, а к тому, что вот-вот случится, и это знание было для него источником постоянного, тлеющего, как папироса без фильтра, беспокойства, потому что три недели назад институт получил распоряжение свернуть тему «Метроном» полностью, без объяснения причин, с изъятием всех материалов и уничтожением магнитных лент, — распоряжение, подписанное не генерал-майором Тычининим, а совершенно другим ведомством, чьё название в документе было закрашено настолько небрежно, что при определённом угле света читалось насквозь, и Полынный, будучи человеком практического ума, этот угол света нашёл и прочитал название, после чего трое суток не мог заснуть вовсе, опасаясь увидеть тот самый мост.

Причина сворачивания темы формулировалась в закрытой части приказа обтекаемо — «в связи с невозможностью верификации предиктивной ценности данных в оперативных условиях», — но неофициально, в курилке четвёртого этажа, где сходились все, кому положено и не положено было курить, ходила версия тревожная: систему закрыли не потому, что она не работала, а потому что она работала слишком хорошо, и кто-то наверху — не Тычинин, кто-то выше Тычинина, — сообразил, что прибор, способный предсказывать аварию за двенадцать часов, автоматически становится прибором, способным её спровоцировать, потому что стоит трижды правильно предсказать взрыв — и любой взрыв, случившийся после третьего верного предсказания, немедленно начинает восприниматься не как случайность, техническая неисправность, разгильдяйство завхоза, а как звено заговора, вредительство, диверсия врагов, которых нужно немедленно найти, и чем точнее работал «Метроном», тем гуще становилась атмосфера подозрения вокруг любого совпадения, вплоть до того, что три случая производственного травматизма на трёх разных заводах в течение одной недели были представлены в закрытой сводке как «согласованная диверсионная активность», хотя единственным согласующим звеном между тремя заводами было то, что на всех трёх ночью накануне снился один и тот же плащ на мосту сорока одному призывнику, к производству не имеющих никакого отношения.

Майор Клямбович явился в кабинет без стука, что было для него нехарактерно — обычно он стучал трижды и выжидал ровно столько, сколько требовалось, чтобы Полынный успел убрать со стола то, что не полагалось видеть даже второму по званию, — но на этот раз ворвался с порога, держа в руках личное дело сержанта-срочника Огурцова, того самого, чья фамилия фигурировала во всех триста восьмидесяти четырёх протоколах моста как первый увидевший сон, тот, от кого сон, судя по фазовому анализу энцефалограмм, распространялся на остальных, будто испытуемый служил не наблюдателем, а передатчиком, антенной, ретранслятором чужого будущего, — и объявил, задыхаясь, что Огурцов демобилизован по документам ещё месяц назад, о чём в лаборатории никто не знал, потому что медкомиссия, комиссовавшая его, значилась в другом, вовсе не связанном с институтом гарнизоне, и что установить его нынешнее местонахождение не представляется возможным, поскольку по адресу прописки, указанному в личном деле, вот уже полгода располагается не жилой дом, а стройплощадка, — деталь, от которой у Полынного заныл зуб, ещё в детстве леченный с применением метода, признанного впоследствии антинаучным.

Институт, разумеется, официально прекращал существование темы «Метроном» согласно графику: сожжение лент было назначено на пятницу, комиссия по уничтожению уже утвердила состав из трёх человек, включая самого Полынного, чья подпись под актом должна была окончательно похоронить три года наблюдений под грифом «уничтожено за нецелесообразностью дальнейшего хранения»; но подполковник, вместо того чтобы готовиться к пятнице, третью ночь подряд перепечатывал на трофейной пишущей машинке, реквизированной ещё его отцом в сорок пятом году и передававшейся по наследству вместе с некоторым семейным недоверием к любой официальной версии событий, — список всех испытуемых, чьи сны за три года хоть раз совпадали с координатами реальных происшествий, список, который он собирался не сжечь вместе с лентами, а унести с собой под подкладкой шинели, потому что интуиция, не менее развитая, чем у капельмейстера, отличающего до-диез от ре-бемоль на слух, подсказывала ему: список этот ещё понадобится, и понадобится не институту.

Список заканчивался фамилией «Огурцов», и напротив неё, в графе «текущее местонахождение», куда полагалось вписывать номер части, подполковник, поколебавшись, вписал единственное, что у него имелось: «предположительно движется в западном направлении, город с меняющимися названиями улиц», — формулировка, немислимая ни для одного военного документа, ни настоящего, ни фальшивого, формулировка, которая, попадись она на глаза генерал-майору Тычинину, стоила бы Полынному не только погон, но и репутации человека, различающего сон и явь, — однако подполковник эту графу не вычеркнул, потому что твёрдо знал одно: тот, кто ищет по-настоящему, рано или поздно перестаёт заботиться о том, как выглядят записи в его протоколе, и начинает заботиться только о том, чтобы протокол был точен, даже если точность эта необъяснима словами, которыми пользуется остальное человечество, всё ещё верящее, что улицы называются постоянно, а сны не бывают чужими.

К утру пятницы, когда прибыла комиссия по уничтожению, папка с лентами была на месте, акт был подписан всеми тремя присутствующими членами, включая Полынного, чья подпись легла на бумагу твёрдо и без колебаний, — но список фамилий под подкладкой шинели комиссия, разумеется, не нашла, потому что комиссии полагается искать только то, что предусмотрено регламентом обыска, а регламент обыска, составленный людьми, никогда не видевшими сна номер триста восемьдесят четыре, попросту не предусматривал графы «подкладка шинели, содержимое неучтённое».

Тем же вечером подполковник Полынный подал рапорт об увольнении из рядов по состоянию здоровья — диагноз, вписанный полковым врачом после недолгих колебаний и одной бутылки спирта, значился как «хроническая бессонница неясной этиологии», — и через семнадцать дней, сдав табельное оружие, кабинет и допуск формы номер один, вышел за проходную «Ящика» человеком без звания, без должности и, как выяснилось довольно быстро, без всякой видимой цели, кроме одной, которую он не сформулировал бы вслух даже под угрозой трибунала: найти город, где меняются названия улиц, и найти в этом городе Огурцова, а с ним и остальных из списка, потому что кто-то же должен был слушать метроном теперь, когда институт, официально его уничтоживший, продолжал беспокоиться о нём куда сильнее, чем полагалось беспокоиться о чём-то, чего, по документам, больше не существовало.

Глава вторая. Груз

Человека, которого в афишах гастрольного треста именовали «Ринальдо Летающий», а в паспорте — Аркадий Пантелеевич Светлов, уроженец города Балашов, беспартийный, разведён, — списали из цирка не за возраст и не за травму, хотя злые языки в буфете шапито утверждали и то, и другое одновременно, будто человек мог одновременно постареть и переломать себе кости, что для акробата, впрочем, было чистой правдой чаще, чем для представителей любой другой профессии, — списали его за случай, который в официальном протоколе дирекции фигурировал как «утрата профессиональной пригодности вследствие немотивированной остановки в воздухе», формулировка настолько абсурдная, что сам Светлов, читая приказ о своём увольнении, не удержался и хмыкнул вслух, хотя смеяться, по совести говоря, было решительно не над чем.

Дело было так, и дело это, изложенное впоследствии сотней разных ртов на сотню разных ладов, каждый раз обрастало подробностями, которых Светлов сам не помнил, потому что помнил он одно: он летел. Тройное сальто под куполом, номер, который он исполнял без страховки последние девять лет подряд, номер, ставший визитной карточкой всей труппы, — и в середине третьего оборота, в той самой точке траектории, где тело акробата, повинаясь исключительно законам баллистики, а вовсе не воле исполнителя, обязано было продолжать вращение по инерции до соприкосновения с ловящей трапедией партнёра, — тело Светлова остановилось. Не упало. Не сорвалось. Именно остановилось, зависло на долю секунды, которую партнёр по номеру, человек по кличке Швах, отставной штангист, ставший ловителем за неимением других применений своей силы, впоследствии клялся всем святым — а святого у Шваха было немного, — что зависание длилось не меньше полутора секунд, что физически, разумеется, невозможно, потому что человеческое тело в свободном полёте подчиняется параболе, а не паузе, и после полутора секунд немыслимой паузы Светлов рухнул на сетку с траекторией, не соответствовавшей ни одному из известных законов сохранения импульса, — рухнул, впрочем, без единого перелома, отделавшись вывихом плеча и убеждением, укоренившимся в нём с той минуты крепче всякой веры, что где-то в воздухе под куполом шапито существует точка, в которой время ведёт себя не так, как в остальном балашовском небе.

Из цирка его списали через месяц, официально — за утрату пригодности, неофициально — потому что публика после случая с остановкой перестала воспринимать номер как трюк и начала воспринимать его как чудо, а чудеса, как быстро объяснил Светлову парторг треста, человек по фамилии Мреж, чудеса советскому цирку без соответствующего методического обоснования решительно ни к чему.

Так Светлов оказался без ремесла, обладающим единственным навыком, который цирк развил в нём до автоматизма и который теперь оказался бесполезен решительно нигде, кроме одного места: он умел проходить любое пространство по памяти тела, а не по внешним ориентирам, — умел, зажмурившись, пройти по канату шириной в два пальца, руководствуясь исключительно внутренним ощущением равновесия, и именно это умение, а вовсе не физическая сила и не гибкость, привлекло к нему внимание человека, представившегося при знакомстве «Лазарем Ефимовичем, по вопросам снабжения», хотя снабжал этот человек, как быстро выяснилось, вещи, которые ни в одной ведомости снабжения не значились.

Груз, который предстояло пронести Светлову, назывался в разговорах между Лазарем Ефимовичем и его подручными коротко: «двести миллиметров», — формулировка, которую

сам Светлов поначалу принял за жаргонное обозначение калибра, что было бы, учитывая специфику советской промышленности, объяснением менее странным, чем то, которое он получил впоследствии: двести миллиметров ртутного столба — таково было давление, при котором особый состав типографской краски, изготовленной, по слухам, на секретном производстве под Барнаулом из компонентов, засекреченных даже от собственных изготовителей, сохранял нужную вязкость для печати листовок, купюр или, как утверждал третий, самый молчаливый из подручных Лазаря Ефимовича, — партийных билетов организации, о которой газеты не писали ни строчки, потому что организация эта, насколько удавалось установить Светлову из обрывков разговоров, официально не существовала, хотя листовки её, отпечатанные именно этой краской, время от времени обнаруживались в самых неожиданных местах — под сиденьями пригородных электричек, в карманах чужих пальто в гардеробе оперного театра, — и обнаруживались с той регулярностью, которая заставляла задуматься: не является ли отсутствие организации на бумаге более удобной формой её существования, чем присутствие.

Маршрут груза пролегал через город, в который Светлова привезли ночным составом без единого окна в купе в город, названия улиц которого, как выяснилось в первые же сутки пребывания, менялись: улица, на которой располагалась явочная квартира, называлась вечером понедельника так, а к утру вторника значилась на той же самой табличке, иначе, причём никто из местных жителей — а Светлов специально расспрашивал соседку по коммуналке, женщину преклонных лет с внешностью типичной паспортистки на пенсии, — никто не выказывал по этому поводу ни малейшего удивления, будто перемена названий была делом настолько будничным, как перемена погоды, и о ней точно так же не имело смысла спрашивать «почему», а имело смысл спрашивать только «когда потеплеет».

Светлов, привыкший ориентироваться телом, а не вывесками, довольно быстро выяснил, что перемена названий улиц происходит не хаотично: если пройти квартал от вокзала строго на северо-запад, считая шаги, а не глядя на таблички, — ровно двести одиннадцать шагов, — то оказываешься неизменно у одного и того же угла, вне зависимости от того, как называлась улица накануне; и этот угол, эта постоянная в мире переменных названий, оказался единственным ориентиром, которым Лазарь Ефимович пользовался при передаче инструкций, — потому что адрес явки, произнесённый вслух, устаревал быстрее, чем успевал долететь до уха адресата.

Партию краски — три бидона из-под молока, перекрашенных в тёмно-зелёный цвет и заклеенных сургучными печатями дважды, для верности, — Светлов должен был пронести через подвал дома номер семь, единственного здания в квартале, у которого номер, в отличие от названия улицы, оставался неизменным, что и было главным резонансом выбрать именно этот дом, а вовсе не удобство расположения. Подвал соединялся с соседним домом системой ходов, устроенных, по слухам, ещё в позапрошлом веке контрабандистами чая, — легенда, которую Лазарь Ефимович рассказывал с той интонацией знатока, с какой экскурсоводы рассказывают про подземелья кремля, никогда в этих подземельях не бывавшие, — и пройти этими ходами без света, без плана, руководствуясь исключительно памятью тела, мог, как быстро выяснилось методом естественного отбора среди трёх предыдущих курьеров, только человек с цирковой выучкой, привыкший к темноте под куполом и к отсутствию видимых ориентиров при полном доверии собственной проприоцепции, — а трое предыдущих курьеров, потерпевших неудачу разной степени фатальности, были людьми сугубо сухопутными, привыкшими смотреть под ноги, что в подвале дома номер семь являлось качеством решительно бесполезным.

Первый рейс прошёл гладко, если не считать одной детали, которую Светлов отметил про себя, но не стал сообщать Лазарю Ефимовичу, справедливо рассудив, что человек, снабжающий несуществующую организацию несуществующей краской, вряд ли обрадуется известию, способному внести смуту в и без того зыбкую картину мира: где-то в середине хода, в точке, которую акробат по въевшейся привычке отмерял шагами, он ощутил ту же самую остановку, ту же паузу вне физически возможного, что и под куполом шапито в момент своего последнего тройного сальто, — короткое, длиною не то в полторы секунды, не то в вечность, зависание, во время которого бидоны с краской в его руках сделались невесомы, а откуда-то сверху, сквозь метры земли и печатных плит перекрытия, донёсся звук, который Светлов, не обладавший ни абсолютным слухом, ни консерваторским образованием, не смог бы описать музыкальным термином, но который безошибочно узнал бы, доведись ему когда-нибудь встретиться с майором Клямбовичем и услышать от того слово «пиццикато»: короткий, лопающийся звук натянутой и оборвавшейся струны.

Вторым обстоятельством, о котором Светлов тоже предпочёл умолчать, была фраза, услышанная им краем уха в тот же вечер, когда он сдавал груз связному на конспиративной квартире, — фраза, произнесённая одним из троих присутствовавших там людей, человеком с военной выправкой, но в штатском пальто не по размеру, будто позаимствованном у кого-то более крупного: «Следователь опять запрашивал сводку по типографским делам, третий раз за месяц, — говорил человек, — только теперь запрос идёт не по краске, а по либретто». Фраза эта не имела для Светлова никакого практического смысла, но засела в памяти именно потому, что была настолько бессмысленной, — а бессмысленные детали, как подсказывал ему цирковой опыт, засоряющий голову акробата опаснее любых объективных угроз, обычно оказываются впоследствии единственными деталями, имеющими значение.

Следователем, о котором шла речь, был человек по фамилии Уставной, майор угрозыска, чья карьера складывалась настолько ровно и настолько бесперспективно, насколько может складываться карьера человека, чей истинный интерес лежит не в области раскрытия преступлений, а в области оперного либретто, — интерес, который Уставной скрывал от начальства с усердием, достойным лучшего применения, но который просачивался наружу решительно во всём, вплоть до формулировок, которыми он оформлял протоколы допросов: там, где инструкция требовала писать «свидетель показал», Уставной то и дело позволял себе обороты вроде «свидетель, подобно партии баритона во втором акте, отрицал всё, о чём его не спрашивали, и признавался во всём, о чём спрашивать забыли», — обороты, которые начальство читало, хмурилось, но не вычёркивало, потому что вычеркнуть означало бы прочитать внимательнее, а внимательнее читать протоколы Уставного начальство давно опасалось, подозревая, что за оперными аллюзиями скрывается ум, болееострый, чем это удобно для спокойной службы.

Дело, которое Уставной вёл третий месяц, официально именовалось «делом о хищении типографского оборудования особого назначения», а фактически представляло собой попытку понять, каким образом краска, изготовленная на производстве, не значащемся ни в одном реестре министерства, оказывается систематически в городе, официальное название которого в милицейских сводках писалось одно, а в разговорах местных жителей — совершенно другое, притом что оба названия, будучи сверены с довоенной картой, обнаруживали печальное сходство с третьим, довоенным названием, которое, по документам горсовета, было упразднено ещё в тридцать шестом году, но продолжало, по неизвестной причине, использоваться населением по чётным числам месяца — деталь, которую Уставной обнаружил, сопоставив даты допросов свидетелей с частотой определённых оговорок в их показаниях, и деталь эта настолько взволновала его музыкальное чутьё, что он посвятил ей отдельную докладную

записку, озаглавленную, вопреки всем инструкциям делопроизводства, «Увертюра к делу №. 1147: о причинах, по которым улица меняет название, но не сущность».

Докладная эта, разумеется, легла под сукно, потому что начальство Уставного, читая заголовок, решило, что майор либо перетрудился, либо злоупотребляет, и на всякий случай вызвало полкового врача, — но сам следователь, невзирая на подозрения в свой адрес, продолжал методично собирать всё, что имело хоть какое-то отношение к типографской краске и к меняющимся названиям, включая — пусть пока и без всякой уверенности в связи — слух о некоем бывшем циркаче, промышляющем в городе непонятно чем и обладающем способностью проходить незнакомые помещения с закрытыми глазами, — слух, дошедший до Уставного окольным путём, через буфетчицу привокзального ресторана, словоохотливую и наблюдательную, каковой и полагается быть буфетчице, если она хочет прожить долгую и содержательную жизнь в маленьком городе с большими секретами.

Глава третья. Настройщик

Полынный, отныне человек без звания, добирался до города, которого не было ни на одной карте Главного управления геодезии и картографии, — обстоятельство, которое само по себе его не удивляло, потому что за годы службы в «Ящике» он успел усвоить простую истину: отсутствие объекта на официальной карте есть не столько недостаток картографии, сколько избыток объекта, — способом, доступным человеку его новой, гражданской профессии: он настраивал рояли по деревням и малым городкам, двигаясь от одного клуба самодеятельности к другому, от одной районной музыкальной школы к следующей, и двигался он, как выяснилось довольно скоро, не совсем произвольно, а по маршруту, который вычерчивал для себя каждую ночь заново, отталкиваясь от единственного надёжного инструмента навигации, какой у него остался, — от собственных снов.

Дело в том, что бывший подполковник обнаружил в себе, примерно на десятый день гражданской жизни, способность, которую три года работы с чужими снами не то развили, не то попросту сделали заметной для него самого: он и раньше видел тот же сон, что и его подопечные, — видел, но не признавался в этом даже майору Клямбовичу, справедливо опасаясь, что офицер, руководящий наблюдением за чужим бессознательным и одновременно являющийся его невольным участником, есть фигура, вызывающая у комиссий не столько научный, сколько медицинский интерес, — и вот теперь, освобождённый от необходимости скрывать симптом, Полынный позволил себе наконец довериться ему полностью: каждую ночь ему снился всё тот же мост, тот же плащ, та же меняющаяся табличка с названием улицы, и с каждой неделей странствия расстояние между точкой, в которой он засыпал накануне, и мостом из сна сокращалось — сокращалось не в переносном, а в самом буквальном, километрическом смысле, будто сон служил ему компасом, отклонение стрелки которого измерялось не градусами, а явью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.